

Е.Ю. Полтавец

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

История, народ и героини «Войны и мира» Л.Н. Толстого

Аннотация. Статья посвящена женским образам в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Цель статьи – предложить новый взгляд на толстовских героинь, чтобы совершенствовать и расширить современные представления о гендерных воззрениях Толстого. Используются структурно-семиотический метод и метод анализа мифопоэтики. Общепринятое мнение о гендерных воззрениях Толстого опирается на образ Наташи Ростовской. Обычный подход к изучению философии брака в творчестве Толстого находит свое отражение в убеждении, что Наташа Ростова есть главный и идеальный женский образ в романе. Поэтому общепринятым является мнение, что Толстой признает только патриархальную семью (семья Безухова в эпилоге «Войны и мира»). Но для того, чтобы получить более полное представление о гендерных воззрениях Толстого, необходимо прибегнуть к анализу других женских образов. Прежде всего, это княжна Марья. Она познает жестокость войны и преодолевает трагедию одиночества. Она самоотверженная дочь и тетка (ее маленький племянник – сирота). Так что ее жизнь гораздо горестнее, чем жизнь Наташи. Как бы то ни было, ее семья в эпилоге «Войны и мира» не патриархальна. Толстой изображает в эпилоге своего романа два типа женщин и два типа семей. Согласно традиционному взгляду, Толстой ограничивает женщину семейным кругом, но образ княжны Марьи связан не только с семейной проблематикой, но и с проблематикой, касающейся философии истории, народной веры, идей непротивления и наиболее выдающихся духовных достижений Толстого. Образ княжны Марьи Болконской в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» – это редкий в истории мировой литературы женский образ, который приглашает читателя к обсуждению самого широкого круга актуальных философско-религиозных и общественно-исторических вопросов.

Ключевые слова: философия истории, образ праведника в литературе, рецепция женских образов «Войны и мира» Л.Н. Толстого, патриархальная семья, антропонимическая система «Войны и мира», гендерные взгляды Л.Н. Толстого

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Полтавец Е.Ю. История, народ и героини «Войны и мира» Л.Н. Толстого // Литература в школе. 2020. № 2. С. 26–39. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-26-39

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-26-39

E.Yu. Poltavets Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

History, people and female characters in “War and Peace” by Leo Tolstoy

Abstract. The article deals with the female characters in “War and Peace” by Leo Tolstoy. The aim of the article is to advance a new view at Tolstoy’s heroines and to improve and extend the modern ideas of Tolstoy’s gender perceptions. The applied methods are the structural, semiotic and mythopoetics analyses. General opinion about Tolstoy’s gender perceptions is based on the character of Natasha Rostova. The usual approach to the study of Tolstoy’s matrimonial philosophy has passed into belief that Natasha Rostova is the main and the ideal female character in Tolstoy’s novel. So it is generally accepted that Leo Tolstoy gives recognition to the patriarchal family only (Bezukhov’s family in the epilogue of “War and Peace”). But to obtain a fuller understanding of Tolstoy’s gender perceptions it is necessary to introduce the analysis of other female characters. First of all, it is princess Mary. She became aware of the cruelty of war and overcame the tragedy of loneliness. She is a self-sacrificing daughter and aunt (her little nephew is an orphan). So her life is much more sorrowful than Natasha’s. However, her family in the epilogue of “War and Peace” is not patriarchal. Tolstoy represented two kinds of women and two types of families in the epilogue of his novel. According to the traditional view, Tolstoy confines a woman to her family circle, but the character of princess Mary is connected not only with the family problems, but with the problems of philosophy of history, folk confidence, non-resistance and the most profound spiritual achievements of Tolstoy’s as well. The image of Princess Mary Bolkonskaya in Tolstoy’s novel “War and peace” is a rare female image in the history of world literature that invites the reader to discuss a wide range of topical philosophical, religious, and socio-historical issues.

Keywords: philosophy of history, the image of a righteous person in literature, adoption of female characters of L.N. Tolstoy’s “War and Peace”, a patriarchal family, the anthroponymic system of the “War and Peace”, gender views of L.N. Tolstoy’s

CITATION: Poltavets E.Yu. History, people and female characters in “War and Peace” by Leo Tolstoy. *Literature at School*. 2020. No. 2. Pp. 26–39. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-26-39

Женщины первые поднялись навстречу воскресшему Христу.

В.С. Соловьев

У Гомера побег Елены из Спарты привел к разрушению Трои. В «Войне и мире» Л.Н. Толстого история неудавшегося побега Наташи Ростовой из Москвы сюжетно завершает второй, «мирный» том книги. Объяснившись и тут же расставшись с Наташей, Пьер Безухов видит комету 1812 года, предвещающую «всякие ужасы и конец света» [17, т. 5, с. 388], а третий том открывается рассуждением о причинах начавшейся войны.

Для античного и средневекового мышления была характерна ассоциация города-полиса с материнским началом, женщиной, дающей приют и защиту своим детям – жителям. Пусть Наполеон видит в занятой им Москве завоеванную красавицу, зато Каратаев знает: «Москва, она городам мать» [Там же, т. 7, с. 52]. Освободившийся из плена Пьер встречается с Наташей и княжной Марьей в Москве. В «Эпизоде» картина мирной послевоенной жизни связана даже не с Москвой, а с родовым имением Болконских, наделенным подобным объединительным смыслом, – Лысыми Горами, в которых теперь живет «лысогорская семья-коммуна, объединившая в конце произведения семейства Николая Ростова (с сыном Андреем Болконского) и Пьера Безухова» [12, с. 237].

Эпизоды великих романов производят в читателе катарсис не хуже античной драматургии и обладают психотерапевтическим эффектом. Эпизод такого уникального жанрового образования, как «Война и мир» Л.Н. Толстого, обладает этим свойством в многократно увеличенном размере. Важность финала своего

произведения Толстой подчеркивает тем, что дает ему наименование «Эпизод» и сохраняет в нем структуру всего предшествующего текста: деление на части и главы, которых, конечно, оказывается 28 (число 28 Толстой, родившийся 28.08.1828, считал для себя особенным). Хозяйка дома, где под одной крышей живут новые семьи переживших «грозу двенадцатого года» героев, – графиня Марья Ростова. В финале все любимые герои Толстого собраны именно под крышей *лысогорского* дома (не ростовского дома в Отрадном, не какого-либо дома в так и оставшихся безымянными имениях Пьера). По Толстому, женщина в семье, т.е. мать семейства, определяет отношения семьи с внешним миром: с окружением (родственники, круг друзей и знакомств), социумом, природой, мирозданием в целом и, наконец, с Богом. Наташа Ростова (в «Эпизоде» Безухова) при всей своей поэтичности оказывается не способной к сколь-нибудь значительной реализации такой роли. На бале или в детской, в бальном туалете или в халате, изящная или расплывшаяся, счастливая или страдающая, она остается в пределах своей семьи, сначала родительской, потом – созданной с Пьером. Но Наташа Ростова не единственная героиня толстовского романа.

Рассмотрение вопроса о гендерных взглядах Толстого, его воззрениях на предназначение женщины не может сводиться, как это часто бывает, только к анализу идейной структуры образа Наташи Ростовой. Более того, свое разочарование превращением Наташи в «самку»

в «Эпilogе» читатели и даже исследователи порой стараются компенсировать порицанием Толстого за его якобы недоверие к духовным потребностям и возможностям женщины. При таком подходе игнорируется вся система образов «Войны и мира», не говоря уж о знаменитом приеме параллелизма и «лабиринте сцеплений», без учета которого исследование неизбежно редуцирует семантику важнейших деталей и образов. Рассмотрим, например, образ пространства, связанный в «Эпilogе» с образом графини Марьи. Если в начале книги Лысье Горы – это «un palais» (дворец) [17, т. 4, с. 124], украшенный портретами предков и изображением генеалогического древа, то в «Эпilogе» это «огромный дом», меблированный «самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями из своих берез и работы своих столяров» [Там же, т. 7, с. 272]. «Родные Ростовых и Болконских иногда съезжались гостить в Лысье Горы семьями, на своих шестнадцати лошадях, с десятками слуг... Съезжалось до ста человек гостей...» [Там же, с. 272]. «Несколько совершенно различных миров... сливались в одно гармоническое целое» [Там же, с. 286]. Более того, гармоническое гостеприимство распространяется и на отношения Николая Ростова с крестьянами, так что «соседние мужики приходили просить его, чтобы он купил их» [Там же, с. 269]. Это тем более удивительно, что до женитьбы Ростов тяготился обязанностью управлять имением, а теперь полюбил. «Графиня Марья ревновала своего мужа к этой любви его» [Там же, с. 268], но ее гармонизирующее влияние сыграло свою роль, хотя бы в отношении отказа Ростова от «гусарских привычек»

[Там же, с. 269]. Если Пьер в «Эпilogе» показан как человек, мечтающий о политических реформах (что не одобрил бы Каратаев), то Николай и его жена строят лысогорский семейный и крестьянский мир как раз в духе Каратаева.

Пьер, который ездит в Петербург по делам тайного общества, противодействующего правительству, не интересуется своими крепостными. Наташа и подавно. А вот княжна Марья не только отучает Ростова от рукоприкладства, но и – еще при жизни отца – заступает за крепостных; совершая «обычную прогулку по улице деревни» [17, т. 4, с. 122] (что совершенно не практиковалось у барышень Ростовых), обращает внимание на горе в семьях рекрутов.

Как ни странно, именно княжна Марья является тем персонажем, который в «Войне и мире» более всех показан в общении с крестьянами. Пьер общался с Каратаевым не как со своим крепостным, а как с таким же пленным, товарищем по несчастью; каратаевскими уроками смирения Безухов в дальнейшем не склонен руководствоваться. Зато княжне Марье Толстой передоверяет вопросы, которые не смог решить Нехлюдов в «Утре помещика» и ради которых задумывался «Роман русского помещика». Как завоевать доверие крестьян? Возможна ли в обычной повседневности реализация того пути, который был указан Христом богатому юноше? О войне княжна Марья говорит, что «человечество забыло законы своего Божественного Спасителя» [Там же, с. 122]. И ситуация богучаровского бунта, не беспощадного, но довольно бессмысленного, когда княжна Марья, буквально следуя слову Христа,

остаётся не понятой ближними, – одна из сложнейших не только исторических, но и нравственно-философских коллизий «Войны и мира». «Все, что мое, то ваше», – говорит княжна крепостным [17, т. 6, с. 161], но это их только озлобляет. Может ли один праведник противостоять ошибочно понимающему свои интересы крестьянскому (христианскому) миру? Это вопрос, который и сам автор задает себе.

Над соотношением духовного и материального княжне придется размышлять и в дальнейшем. «Дух много выше тела» – эти слова Юлиана Отступника могли бы быть девизом всех Болконских. В отличие от Наташи, не вникающей в смысл спора своих мужа и брата, графиня Марья суть спора, как ее передает Николай, понимает, но имеет свою точку зрения, отличную от позиций спорящих. К сожалению, в толстоведении издавна сложилась традиция отождествления позиций Николая и его жены, которая якобы полностью поддерживает мужа, проявляет эгоизм и «уклоняется от общественного долга, приспособлявая, извращая для этого даже христианство, предписывающее жертвовать всем во имя бога» [16, с. 286]. Еще в монографии В.В. Ермилова (1961) [7], повлиявшей на последующие трактовки эпизода как в академическом литературоведении, так и в методических пособиях, княжна Марья, с ее словами «Мы можем рисковать собой, но не детьми» [17, т. 7, с. 301], обвиняется в эгоизме и противопоставляется Наташе, которая рассматривается чуть ли не как убежденная революционерка, хотя текст «Эпизода» не дает для этого ни малейших оснований.

Лысогорский спор надо рассматривать в связи с богучаровским спором князя Андрея и Пьера на ту же тему: как преобразовать жизнь и помочь «ближним», т.е. крепостным. Казалось бы, князь Андрей отстаивал в споре с Пьером мизантропические взгляды. Но на самом деле и реформы в имении, о которых Пьер рассказывал князю Андрею в богучаровском разговоре, и реформы в государстве, о которых мечтает Пьер в «Эпизоде», не затрагивают главного – преобразования человеческих душ. Об этом говорил Болконский Пьеру, и об этом хочет сказать графиня Марья своему мужу, потому что помнит: «Не о едином хлебе сыт будет человек» [Там же, с. 302]. По этой причине она не придает значения и успешному хозяйствованию Николая. (И не случайно графиня Марья размышляет о педагогике и воспитании детей, пока ее муж рассуждает о том, какое богатое имение он оставит детям. Педагогические проблемы княжны, а потом графини Марьи, воспитательницы племянника и собственных детей, очень близки Толстому.)

Ведь если «жертвовать всем» по-христиански, то не ради сытости и даже не ради общественного и государственного прогресса. «Душа графини Марьи всегда стремилась к бесконечному, вечному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна» [Там же, с. 303]. Как некоторые литературоведы соединяли такую авторскую характеристику с обвинением в эгоизме? Загадка.

Конечно, вспоминается и «хрестоматийный глянec» эпизода, казалось бы, сходного с эпизодом богучаровского бунта: при отъезде из Москвы Ростовы отдают подводы раненым, жертвуя коврами, фарфором

и гардеробом. Но, во-первых, эта ситуация вполне объясняется не сверхжертвенностью, а нормальным человеческим состраданием. Толстой упоминает мимоходом, что Пьер жертвует деньги на ополчение, а князь Андрей велит отдавать весь урожай в армию. Это, а тем более расставание Ростовых с коврами и нарядами, – вовсе не подвиги, особенно в свете того, что Безухов и Болконский были готовы пожертвовать жизнью (и князь Андрей сделал это), погиб и сын Ростовых Петя. Во-вторых, и это главное, помощь раненым (а они эту помощь с радостью принимают) – это ситуация, далеко не параллельная той социально-этической коллизии, которая уже обозначена Толстым в «Утре помещика», «Поликушке» и составляет идейное ядро эпизода богучаровского бунта, где княжна Марья – alter ego автора. Помощь раненым, оттененная появлением бездушного Берга, нужна лишь для утверждения эволюции Наташи Ростовской: она учится думать не только о себе, не только радовать окружающих, но и сострадать им. Так Наташа «до воскресенья дорастет»: будет готова встретиться с князем Андреем; новые отношения их возможны только в силу того, что теперь и сама она открыта новым переживаниям. Если образ княжны Марьи с ее исканиями в области религиозной этики автопсихологичен и выходит за рамки жанра романа, то образ Наташи – это образ, подчиненный традиционному романному сюжету: положительная героиня в центре любовной интриги – она совершает ошибки, становится жертвой злодея, спасается, взрослеет, обретает счастье в замужестве.

Вину за увлечение Наташи Курагиным принято перекладывать на князя Андрея, уехавшего на год. Получается, что жених или муж Наташи, кто бы он ни был, должен был безотлучно ее караулить? Ах, Наташу обидел отец Болконского? Вспомним, как реагирует Маша Миронова, героиня «Капитанской дочки» Пушкина, на куда более оскорбительное недоверие со стороны отца Гринева и его категорическое запрещение сыну жениться. Ни при каких обстоятельствах не могла бы подумать пушкинская героиня так, как думает Наташа Ростова: «И что мне за дело до его отца и сестры» [17, т. 5, с. 334]. Добавим также, что в «лабиринте сцеплений» «Войны и мира» немало важна перекличка ситуаций: обиженные на старого Болконского Ростовы ведут себя точно так же, как отец князя Андрея. Они противодействуют женитьбе Николая на Соне.

Исследователи, интерпретирующие как ужасный деспотизм требование старого князя Болконского отложить свадьбу на год, забывают, что история Сони – свидетельство деспотизма старой графини Ростовской, требовавшей от сына даже не годовой отсрочки, а полного отказа от бесприданницы Сони. В работах, посвященных прилежным указаниям на образные и сюжетные антитезы и параллели, порой утверждается, что Толстой противопоставляет «простую и сердечную» семью Ростовых не только Курагиным, но и Болконским. Однако при этом парадоксально игнорируется тот параллелизм ситуаций в семьях Болконских и Ростовых, для которого сюжетная линия Сони и создана.

В увлечении Наташи Анато-лем иногда усматривают чуть ли

не декларацию иррационализма, превосходства «живой жизни» над рассудочностью, к которой якобы склонен князь Андрей. Эта упрощенная интерпретация, удобная для школы, восходит к монографии В.В. Ермилова и унаследована в смягченном виде популярной работой о «Войне и мире» С.Г. Бочарова [4]. Такой подход позволяет придать глубокомысленную «философскую» подоплеку «узлу всего романа» [17, т. 18, с. 671] (выражение Толстого, которое так любят цитировать), а также напомнить об эстетических взглядах автора. Но если бы история с Анатолом имела этот смысл, Толстой не провел бы свою героиню через отчаяние, покушение на самоубийство и терзавшее ее чувство вины – прежде всего перед самой собой.

«Узел» и нравственно-философский смысл этой сюжетной линии не столько в факте измены Наташи, сколько в отношении к этому событию идеологических героев – Пьера и князя Андрея. Узнав о возвращении друга, Пьер спешит приехать к Болконским, чтобы утешить его. Но разговор о Наташе в гостиной при посторонних невозможен: обсуждается отставка и ссылка Сперанского. Князь Андрей считает, что по отношению к Сперанскому должна быть восстановлена справедливость. Наедине друзья обсуждают уже не справедливость, а милосердие и христианское прощение. Позже княжна Марья скажет брату: «Забудь это и прости» [Там же, т. 6, с. 42]. Именно с княжной Марьей связана эта главная мысль автора о возможности человека влиять на соотношение добра и зла и в частной жизни, и в истории: «Княжна никогда не думала об этом гордом слове: справедливость. Все

сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе – в законе любви и самоотвержения... Ей надо было самой страдать и любить, и это она делала» [Там же, т. 5, с. 240]. Узел «романа» Наташи и всего «романа», которому в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» Толстой наконец нашел жанровое определение («книга»), заключается в вопросе о противостоянии злу, о балансе сил зла и добра. Поэтому перед Бородинским сражением князь Андрей раздумывает о христианских заповедях, а после сражения вспоминает о сестре и прощает Анатоля, причинившего ему и Наташе столько зла. «Для того, чтобы в действительности была justice, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь... Для того, чтобы попасть в цель, надо целить выше и дальше ее», – писал Толстой в дневнике 1903 года [Там же, т. 22, с. 153]. О развитии идей неосуждения и прощения в последующем творчестве Толстого см. статью С.А. Шульца [20].

Для самой Наташи история с Анатолом имеет катартический – очищающий смысл. Научить Наташу любви и пониманию могло только сильное потрясение. После помолвки с князем Андреем разлука с ним воспринималась ею только с точки зрения дефицита восхищения и похвал, к которым она привыкла. О его болезни она сначала даже не догадывается. Примечательно, что мать Наташи, понимающая, что ухудшение здоровья заставляет князя Андрея отложить возвращение, делится своей тревогой с Николаем, но просит его ничего не говорить сестре! Во многом жертвой собственного эгоизма оказывается Наташа и в случае

с Анатодем. Успех в свете, комплименты Анатоля и Элен тешат тщеславие. Это путь, по которому прошла героиня «Семейного счастья» Маша. Правы те, кто указывает на чистоту и доверчивость Наташи. И все же, если бы она интересовалась затруднениями человека, с которым собирается связать свою судьбу (а не собственными удовольствиями), то задумалась бы, как и советовала Соня, над тем, что же мешает Курагину сблизиться с Ростовыми открыто. Школьное (и не только школьное) понимание образа Наташи как образа героини, воплощающей гендерный идеал Толстого (да еще как образа центрального), является упрощенным. Гораздо больше понимания Толстого мы обнаружим, если будем говорить об эволюции Наташи, о ее пути от инфантилизма и авантюризма к осознанию долга хотя бы перед близкими людьми. И это уже очень много. Тонкий, хотя и беглый, анализ такой диалектики души как этапов взросления Наташи дан, например, в статье И.В. Холодякова, где поставлен вопрос о душевном состоянии Наташи в момент помолвки с князем Андреем: «И есть ли у этой милой девочки Наташи то, что сделает ее счастливой, даст возможность не повторить судьбу Лизы, которая плачет, не понимая, что происходит?» [18, с. 39]. Исследователь говорит о значении сюжетной линии Наташи: «...Толстой проведет Наташу по такой сложной жизни... и только тогда ей, не просто повзрослевшей, но еще и вобравшей в себя, как речка множество притоков вбирает, чтобы стать Волгой, все эти события, даст писатель счастье...» [Там же].

Стремясь во что бы то ни стало оправдать Наташу, многие сопоставляют историю увлечения Ната-

ши Курагиным и эпизод сватовства Курагина в Лысых Горах. Но в этом случае ради корректности сопоставления следует учесть, что княжна Марья знает: Курагины, отец и сын, приехали с целью сватовства, ее собственный отец их принимает и рассматривает их предложение. Анатолю Курагин в глазах княжны Марьи отнюдь не любовник, предлагающий в тайном письме побег из родительского дома, каким выступает Анатолий в истории несостоявшегося побега Наташи. И уже позже княжна Марья думает о m-lle Bourienne: «Как страстно она его любит, ежели она так могла забыть себя. Может быть, и я сделала бы то же!..» [17, т. 4, с. 293]. То есть, если бы страстно любила. Но сносительное склонение не есть утверждение, и о незаконной страсти со стороны княжны Марьи здесь нет и речи.

Кульминация Наташиной безответственности – попытка суицида. Потом наступает время покаяния и молитв. Наташа, спасающая мать от безумия после гибели Пети, – это уже не та Наташа, которая предпочитала не замечать грустного выражения лица Пьера на бале, не вникать в отчаяние проигравшегося Николая и была готова убежать из дома или даже покончить с собой, не думая о том, что будет с матерью и отцом, если их горячо любимая дочь неожиданно исчезнет. Княжна Марья, чья жизнь в родном доме вовсе не так безоблачна, как жизнь Наташи, думает не о себе, а о том, что отец, который обижает ее, не перенесет ее ухода – даже к странникам-богомольцам. Духовную высоту княжны Марьи Толстой подчеркивает такой характеристикой: «Она никогда не плакала от боли или досады, но всегда от грусти и жалости» [17, т. 7, с. 269].

В отличие от Наташи, она с юности поставлена своей непростой судьбой в такое положение, что сознает ответственность за племянника-сироту и за любящего и тиранящего ее отца. Во время войны ей приходится пережить (в Богучарове, в поездке по бездорожью из Воронежа в Ярославль к умирающему брату) гораздо большие опасности, чем Наташе, эвакуирующейся из Москвы вместе с семьей. И нельзя не увидеть в словах княжны Марьи, обращенных к самой себе («Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему» [Там же, т. 4, с. 279]), переключку с любимой толстовской апофегмой: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет».

Письменная речь толстовских героев (не считая, разумеется, исторических документов: военных донесений, диспозиций, писем исторических лиц) представлена в «Войне и мире» короткой запиской Анны Павловны, письмами Билибина и старого князя, масонским дневником Пьера, письмом Багратиона Аракчеву и письмами княжны Марьи. Пьер занят самоанализом, а княжна Марья с редкой наблюдательностью дает характеристики своему окружению. Автор доверяет этой своей героине функцию нарратора и отчасти предсказателя событий. В одном из писем она делится с Жюли своими опасениями за будущее Пьера, получившего большое наследство, в другом – сомнениями в возможности брака Наташи и князя Андрея. Она предвидит и ухудшение здоровья и характера отца вследствие его решения о переезде в Москву. В кульминационном моменте сюжетной линии

Наташи (решение отказать князю Андрею) Толстой приводит отрывок из письма княжны Марьи, которая просит Наташу о новом свидании и надеется загладить впечатление, произведенное встречей со старым князем. А вот ответ Наташи, содержащий отказ, не приводится.

В стиле писем княжны Марьи исследователи справедливо усматривали реминисценции из писем М.А. Волковой, послуживших Толстому ценным материалом для изучения эпохи. Следует также учитывать и традицию русского эпистолярного романа, а кроме этого – то значение, которое эпистолярный нарратив приобретает в психологическом романе. Для русской литературы это прежде всего тот импульс, который ощущается в письмах пушкинских героев. Эксплицитный нарратор (будь он автором писем или мемуарно-дневникового «текста в тексте») – это зачастую наиболее близкий автору герой, пользующийся наибольшим авторским доверием.

Чем важен для Толстого образ княжны Марьи? Да, это дань памяти матери; кстати, у любимых героев и героинь Толстого в его романах, начиная с «Семейного счастья», нет матери, есть только воспоминания о покойнице (у Константина Левина, у Нехлюдова из «Воскресения»); многозначителен и финал «Детства» – смерть матушки. Но ведь не только духовная высота прототипа определяет замысел и смысл образа. Лысье Горы «Войны и мира» – во многом Ясная Поляна деда и матери Толстого, но значение этих образов (отец и дочь Болконские, их усадьба) недостаточно понимать только как историческое: правдивое воссоздание аристократического усадебного быта

предков писателя и нравов изображаемой эпохи. При всем соответствии прототипам княжна Марья и Лысые Горы наделяются огромным философским и религиозным смыслом. Именно с этой героиней Толстой связывает главную тему своей личной жизни и философских исканий – тему ухода для совершения религиозного подвига. Но не ухода в монастырь или в скит, а подвижничества в миру, что и собирался осуществить Толстой, уходя из Ясной Поляны в 82 года. Сюжетная модель и философская тема ухода намечалась в «Альберте», в «Казаках», но Альберт и даже Оленин оказались не столь масштабными героями, чтобы воплотить этот смысл. Да Толстой и не задумывал показать их людьми с родственными связями (а он в годы работы над «Войной и миром» был счастливым семьянином). «Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах» [17, т. 5, с. 245] и вступить на путь молитвенников за человечество – вот мечта, осознанное стремление княжны Марьи, и это путь Богородицы. «Весь ее облик ассоциируется в сознании читателя с Богородицей – идеалом женщины в христианской религии», – справедливо замечает об этой героине Толстого Э.С. Афанасьев [2, с. 9]. Очевидно, что «Пьер» (Петр), «князь Андрей» (Андрей), «княжна Марья» (Мария) – это антропонимическая система, восходящая к Евангелию, и название имения Болконских тоже говорящее: Лысые Горы – перифраз Голгофы. При этом Толстой ставит свою героиню перед мучительной дилеммой, которую он предчувствует и в своем будущем. Княжна Марья сознает себя грешницей: «любила отца и племянника больше, чем Бога» [17, т. 5, с. 246]. Даже после смерти

отца уход для нее невозможен, потому что нельзя покинуть сироту. Эта ситуация явно проецируется Толстым на житие Феодосия Печерского, которому пришлось выдержать борьбу со своей суровой и властной матерью, всячески препятствовавшей его стремлению к служению Богу: странничеству и уходу в киевские пещеры. Недаром имя странницы, с которой хотела бы пойти на богомолье княжна Марья, – Федосьюшка. В глазах автора его героиня – безусловная праведница, Толстой и наделяет ее прекрасным сочетанием кенотического сознания с аристократическим патриотизмом (вспомним ее реакцию на предложение обратиться к французскому генералу).

Подведем итоги. Ю.И. Айхенвальд писал, что «Толстой – друг и провидец женщины, ее заступник и поэт» [1, с. 235]. К сожалению, интуитивной критике Айхенвальда не очень доверяли, а позитивистская критика распространяла взгляд на автора «Войны и мира» и «Анны Карениной» как на мизогина. Позже преувеличивали влияние Шопенгауэра на Толстого, в «Крейцеровой сонате» и «Власти тьмы» видели манифест женоненавистника. Очень показательным в этом смысле мнение баронессы Е.К. Остен-Сакен, которая в письме А.В. Жиркевичу делится своими впечатлениями о спектакле «Власть тьмы» в Александринском театре (1895): «Как велик еще Толстой здесь, на крайнем рубеже своих сил!.. Зато как женщины омерзительны!! Это в порядке вещей. Толстой по определению докторов “эротоман”. Для него, как и для Рихарда Вагнера, женщина есть чудовищная прелесть Сатаны – обуевающее начало, мешающее через

непосредственное порабощение плоти освобождению духа в человеке» [8, с. 635].

И.С. Тургенев в своих противоречивых отзывах о «Войне и мире» всегда был категоричен по отношению к женским образам: «И что это за барышни! Все какие-то золотушные кривляки»; «Наташа... сбивается на столь любимый Толстым тип (*excusez du mot*)...»; «Отчего это у него все хорошие женщины не только самки – даже дуры?» [11, с. 592, 595, 597]. Конечно, Тургенев понимал, что Наташа совсем не похожа на его *тургеневских девушек*, но склонность к эстетизму не позволила ему заметить княжну Марью. (Впоследствии в литературоведении предпринимались попытки сопоставления этой героини Толстого с Лизой Калитиной.)

М.К. Цебрикова объявила, что женщина в изображении автора «Войны и мира» не более, чем «беспольное существо, неспособное к разумной жизни» [19, с. 141], и в традициях реальной критики сосредоточилась на призывах к женской эмансипации, полагая, что романы существуют для иллюстрации пользы разумного или бесполезности неразумного. М. Горький изложил свое мнение в мемуарном очерке, но не припомнил больше трех героинь (одно из имен он воспроизводит неточно), говоря о Толстом: «К женщине он, на мой взгляд, относится непримиримо враждебно и любит наказывать ее, – если она не Китти и не Наташа Ростова, то есть существо недостаточно ограниченное. Это – вражда мужчины, который не успел исчерпать столько счастья, сколько мог, или вражда духа против “унизительных порывов плоти”? Но это – вражда, и – холодная, как в “Анне Карениной”» [6, с. 185].

За рубежом весьма оригинальное прочтение женских образов «Войны и мира» представил в своих немецких лекциях И.А. Ильин: «У Толстого пристрастие к инстинктивно-примитивной, недуховной Наташе, он с любовью описывает ее, превозносит ее женские прелести, втягивается, как в омут, в ее жалкий эротический роман с Анатолом Курагиным, когда она ведет себя настолько мерзко и по-животному, что почти впадает в бред. В то время, как подлинно русскую женщину, с ее чистой совестью, с ее постоянством и верностью, с ее целомудрием радостного самопожертвования следует искать и обнаружить не в Наташе, а в оставшейся в тени Соне. По-настоящему созерцающего читателя не может не возмущать, как погрязшая в бездуховности, примитивно-сексуальная самка Наташа в слепоте и глупости своей называет духовно незаурядную и твердую характером Соню “пустоцветом”» [9]. В Соне Ильин увидел «духовно ясный, сильный, самоотверженный характер» [Там же]. Не понятно, каким образом и этому мыслителю удалось забыть о княжне Марье, которой он мимоходом посвятил всего два слова: «благочестивая и чистая» [Там же].

В дореволюционных гимназических учебниках главы, посвященные женским образам Толстого, открывались анализом образа княжны Марьи как центрального (например, см. учебник В.Ф. Саводника [14]). В советском же литературоведении на роль главной положительной героини была утверждена Наташа Ростова, для чего пришлось приписывать ей одухотворенность и самоотверженность (особо подчеркивалась связь этого образа с неоконченным романом «Декабристы»), а смирение

и религиозность княжны Марьи считались гораздо менее приемлемыми в положительной героине, чем Наташина готовность к побегу с любовником и покушение на самоубийство. О княжне Марье если и вспоминали, то лишь в связи с 1) прототипами, 2) «кричащими противоречиями». Она и до сих пор не попадает в число «взыскующих» [10] героинь русской литературы, к которым причисляются гончаровские Ольга Ильинская и Вера, некрасовские Дарья, Матрена Тимофеевна и декабристки, чеховская Надя Шумина и, конечно, тургеневские девушки, а также (отчасти утратившая уже обаяние революционерки) Вера Павловна Розальская из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Взгляды Толстого на семью и в современном литературоведении характеризуются как патриархальные, а гендерные воззрения интерпретируются иногда так: «Толстой является... носителем традиционных философских представлений о женщине как существе ущербном и недостаточном» [15, с. 235]. Это утверждение придется корректировать, если увидеть любимую героиню Толстого не только в Наташе и внимательно прочитать хотя бы «Эпилог», где подчеркивается ведущая роль жены в семье Марьи и Николая Ростовых. В другой статье, посвященной глубо-

кому анализу патриархальных взглядов Толстого, отмечается, что «образ “доброй матери семейства” воплощен в Наташе Ростовой (в эпилоге “Войны и мира”), Долли Облонской и Кити Щербацкой» [13, с. 136]. Упомянуты Пашенька из «Отца Сергия» и Мария Семеновна из «Фальшивого купона», но Марья Болконская не названа. И даже рассмотрение женских образов, опирающееся на «мудрость», которая «знакома древнерусскому книжнику» [5, с. 32], сводится к оппозиции «Наташа Ростова – Элен» в духе противопоставления «добрых и злых жен», без всякого упоминания о княжне Марье. (Само сведение характерологии Толстого к приемам «древнерусского книжника» выглядит странно.)

В своей работе о женских образах в литературе немецкая исследовательница З. Бовеншен останавливается на причинах того, что «попытки вскрыть общественно-историческую проблематику через женские образы» [3, с. 342] в литературе редки. К этим редким образам следует отнести и толстовскую княжну Марью. И если не игнорировать связанную с этим образом философско-религиозную и общественно-историческую проблематику, то женщина в творчестве Толстого предстанет отнюдь не только «ущербным» и «ограниченным» существом.

Библиографический список

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994.
2. Афанасьев Э.С. Реалистический эпос Л.Н. Толстого // Литература в школе. 2010. № 12. С. 5–9.
3. Бовеншен З. Из книги «Имагинированное женское начало» // Немецкое философское литературоведение наших дней. СПб., 2001. С. 342–370.
4. Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978.
5. Васильев В.К. К описанию архетипического сюжета о «добрых» и «злых» женах в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Лев Толстой и время. Томск, 2010. С. 25–34.
6. Горький М. О литературе. М., 1953.

7. Ермилов В.В. Толстой-художник и роман «Война и мир». М., 1961.
8. Жиркевич А.В. Встречи с Толстым. Тула, 2009.
9. Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html> (дата обращения: 02.12.2019).
10. Криволапов В.Н. «Взыскующая» героиня в русской литературе XIX в. (От Гончарова до Чехова) // А.М. Панченко и русская культура. СПб., 2008. С. 251–265.
11. Л.Н. Толстой в русской критике. М., 1952.
12. Недзвецкий В.А. Русский социально-универсальный роман XIX века. М., 1997.
13. Полосина А.Н. «Необходимая неприятность?» (Гендерные воззрения Льва Толстого) // Лев Николаевич Толстой. М., 2014. С. 130–138.
14. Саводник В. Очерки по истории русской литературы XIX века. Ч. 2. М., 1911.
15. Строганова Е.Н. «Она не удостоивает быть умной...» // Женщины. История. Общество. Вып. 2. Тверь, 2002. С. 229–243.
16. Сушков Б.Ф. Альтернативы Толстого. Альтернативный Толстой. Тула, 2008.
17. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1978–1985.
18. Холодяков И.В. «Другая проза»: поиски, обретения, потери // Литература в школе. 2003. № 1. С. 36–41.
19. Цебрикова М.К. Наши бабушки (по поводу женских характеров в романе «Война и мир») // Война из-за «Войны и мира». СПб., 2002. С. 127–152.
20. Шульц С.А. Неосуждение и прощение: философские заметки по поводу Л.Н. Толстого на фоне Канта и Бахтина // Материалы Толстовских чтений 2018 года в Государственном музее Л.Н. Толстого / отв. ред. Л.В. Гладкова. М., 2019. С. 238–248.

References

1. Aikhenvald Yu.I. Siluety russkikh pisatelei [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, 1994. (In Russ.)
2. Afanasyev E.S. Realistic epos by L.N. Tolstoy. *Literature at School*. 2010. No. 12. Pp. 5–9. (In Russ.)
3. Bovenshen Z. From the book «Imaginated feminine origin». *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dnei*. St. Petersburg, 2001. Pp. 342–370. (In Russ.)
4. Bucharov S.G. Roman L. Tolstogo «Vojna i mir» [Novel by L. Tolstoy “War and peace”]. Moscow, 1978. (In Russ.)
5. Vasilyev V.K. To the description of the archetypal plot about the “good” and “evil” wives in the novel by L.N. Tolstoy “War and peace”. *Lev Tolstoi i vremya*. Tomsk, 2010. Pp. 25–34. (In Russ.)
6. Gorky M. O literature [About literature]. Moscow, 1953. (In Russ.)
7. Ermilov V.V. Tolstoj-hudozhnik i roman «Vojna i mir» [Tolstoy as an artist and the novel “War and peace”]. Moscow, 1961. (In Russ.)
8. Zhirkevich A.V. Vstrechi s Tolstym [Meetings with Tolstoy]. Tula, 2009. (In Russ.)
9. Ilyin I.A. Leo Tolstoy as an interpreter of the Russian soul. *Il'in I.A. Sbranie sochineniy: V 10 t. T. 6. Kn. 3*. Moscow, 1997. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru/NASLEDIE/Tom-6/tom-6-3.html> (In Russ.)
10. Krivolapov V.N. The «exacting» heroine in Russian literature of the XIX century (from Goncharov to Chekhov). *A.M. Panchenko i russkaya kul'tura*. St. Petersburg, 2008. Pp. 251–265. (In Russ.)
11. L.N. Tolstoi v russkoi kritike [L.N. Tolstoy in Russian critique]. Moscow, 1952. (In Russ.)
12. Nedzvetskii V.A. Russkii sotsial'no-universal'nyi roman XIX veka [Russian social universal novel of the XIX century]. Moscow, 1997. (In Russ.)
13. Polosina A.N. “Necessary nuisance?” (Gender views of Leo Tolstoy). *Lev Nikolaevich Tolstoi*. Moscow, 2014. Pp. 130–138. (In Russ.)
14. Savodnik V. Oчерки po istorii russkoi literatury XIX veka [Essays on the history of Russian literature of the XIX century]. Vol. 2. Moscow, 1911. (In Russ.)
15. Stroganova E.N. “She does not deign being smart...”. *Zhenshchiny. Istoriya. Obshchestvo*. Issue 2. Tver, 2002. Pp. 229–243. (In Russ.)

16. Sushkov B.F. Al'ternativy Tolstogo. Al'ternativnyi Tolstoi [Tolstoy's alternatives. Alternative Tolstoy]. Tula, 2008. (In Russ.)
17. Tolstoi L.N. Sobranie sochineniy: V 22 t. [Works in 22 vol.]. Moscow, 1978–1985. (In Russ.)
18. Kholodyakov I.V. "Other prose": search, gain, loss. *Literature at School*. 2003. No. 1. Pp. 36–41. (In Russ.)
19. Tsebrikova M.K. Our grandmothers (about female characters in the novel "War and Peace"). *Voina iz-za «Voiny i mira»*. St. Petersburg, 2002. Pp. 127–152. (In Russ.)
20. Shults S.A. Non-judgment and forgiveness: philosophical notes about L.N. Tolstoy on the background of Kant and Bakhtin. *Materialy Tolstovskikh chtenii 2018 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo*. L.V. Gladkova (ed.). Moscow, 2019. Pp. 238–248. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2020, принята к публикации 25.02.2020
The article was received on 20.01.2020, accepted for publication 25.02.2020

Сведения об авторе / About the author

Полтавец Елена Юрьевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы, Московский городской педагогический университет

Elena Yu. Poltavets – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of Russian Literature, Moscow City University

E-mail: nedzvetsky@bk.ru